

Humanitas

Западная философия
XX–XXI вв.

Интеллектуальные биографии

Серия основана в 1999 г.

В подготовке серии принимали участие ведущие специалисты
Института научной информации по общественным наукам,
Института философии
Российской академии наук

Институт научной информации по общественным наукам РАН
Институт философии РАН

Западная философия XX–XXI вв. Интеллектуальные биографии

Центр гуманитарных инициатив
Москва–Санкт-Петербург
2022

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)6
3 30

Главный редактор и автор проекта «Humanitas» С.Я. Левит
Заместитель главного редактора И.А. Осиновская

Редакционная коллегия серии:

Л.В. Скворцов (председатель), Е.Н. Балашова, В.Д. Губин,
Б.Л. Губман, А.Л. Доброхотов, Д.В. Ефременко, Г.И. Зверева,
А.Н. Кожановский, И.В. Кондаков, М.П. Крыжановская, Л.А. Микешина,
Ю.С. Пивоваров, И.И. Ремезова, А.К. Сорокин, П.В. Соснов, Г.В. Хлебников

Ответственный редактор и составитель тома
И.Д. Джохадзе

Рецензенты:
доктор философских наук А.Ю. Антоновский
кандидат философских наук Г.С. Рогонян

Серийное оформление: П.П. Ефремов

3 30 **Западная философия XX–XXI вв. Интеллектуальные биографии** /отв. ред.
И.Д. Джохадзе. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. — 292 с.
(Серия «Humanitas»).

Сборник очерков о жизни и творчестве современных западных философов знакомит читателя с представителями основных интеллектуальных традиций и школ от спиритуализма, феноменологии и экзистенциализма до философии сознания, нового материализма и биоэтики. Это мыслители XX–XXI вв., чьи идеи, методологические подходы и теории прошли испытание временем и ныне оказывают значительное влияние на философию Запада. Авторы сборника — сотрудники Института философии Российской академии наук, НИУ «Высшая школа экономики», Тверского государственного университета.

Утверждено к печати Ученым советом Института философии РАН.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)6

В оформлении обложки использован фрагмент картины Пауля Клее «Город из сна» (1921)

ISBN 978-5-98712-353-9

© С.Я. Левит, автор проекта «Humanitas»,
составитель серии, 2022
© И.Д. Джохадзе, сост. тома, 2022
© Коллектив авторов, 2022
© Центр гуманитарных инициатив, 2022

Предисловие

Немецкий историк культуры Вильгельм Дильтей как-то заметил, что в области философии любая большая теория, направление или система — только верхушка айсберга, подводную часть которого образуют конкретные обстоятельства и события творческой биографии их создателей, скрытые от взгляда непосвященных. Без реконструкции этого биографического подтекста понимание философских учений оказывается затруднительным. Игнорирование личности мыслителя — самое распространенное и фатальное заблуждение истории философии.

«Мыслить строго», в представлении многих современных философов и исследователей философии, — значит заниматься идеями, а не людьми, изучать тексты, а не авторов текстов. Но как провести границу между произведением и жизнью, отделив «имманентное» содержание философских систем¹ (вычитываемое из текста или считываемое в него) от исторических фактов и биографии? Очерки творчества Габриэля Марселя, Уильяма Джеймса, Бенедетто Кроче, Эдуара Леруа, Альфреда Шюца и других мыслителей XX–XXI вв., представленные в нашем сборнике, доказывают, что это попросту невозможно.

История идей, оперирующая «измами», раскладывающая пасьянсы из философских систем и рядов оппозиций (рационализм — эмпиризм, идеализм — материализм, догматизм — критицизм, формализм — интуитивизм и т.д.), *деперсонифицирует* философию, подменяя ее конкретное содержание абстрактными схемами. Она «ранжирует» философов, выводит их генеалогии, распределяет по «отсекам» интеллектуальных традиций, периодов и эпох. В жертву упорядочивающей логике с ее идеализациями и обобщениями приносится жизненный нерв философии, само личностное начало мышления.

Интересное объяснение (отчасти и оправдание) этому находит П. Адо. Историки, говорит он, привыкли рассматривать филосо-

¹ Derrida J. Life Death. Chicago, 2020. P. 26.

верия и признания достоинства друг друга. Вот почему, заключает философ, «в существующем мире человечеству надлежит добиться торжества царства свободы; и чтобы одержать эту высшую победу, в числе прочего мужчине и женщине необходимо возвыситься над своими естественными различиями и заключить между собой подлинно братский союз»⁴⁰.

Сочинения

Бовуар С. де. Второй пол / пер. с франц. И. Малаховой, Е. Орловой, А. Сабашниковой, общ. ред. и вступ. статья С. Айвазовой, коммент. М. Аристовой. СПб., 1997; *Бовуар С. де.* Воспоминания благовоспитанной девицы / пер. с франц. М. Аннинской, Е. Леоновой. М., 2004; *Бовуар С. де.* Зрелость / пер. с франц. Н. Световидовой. М., 2018; *Бовуар С. де.* Сила обстоятельств / пер. с франц. Н. Световидовой. М., 2008; *Бовуар С. де.* Очень легкая смерть / пер. с франц. Н. Столяровой, предисл. Л. Токарева. М., 1992; *Beauvoir S. de.* Pour une morale de l'ambiguïté. Paris, 1947.

Литература

Моруа А. Симона де Бовуар // *Моруа А.* От Монтеня до Арагона. М., 1983. С. 566–582; *Евнина Е.* Современный французский роман. 1940–1960. М., 1962; *Полторацкая Н.* Симона де Бовуар и ее роман «Мандарины» // *Бовуар С. де.* Мандарины. М., 2005. С. 561–599; *Айвазова С.* Симона де Бовуар: этика подлинного существования // *Бовуар С. де.* Второй пол. СПб., 1997. С. 5–20; *Айвазова С.* Симона Де Бовуар: жизнь – самоосуществление // Женщины в политике: новые подходы к политическому. Феминистский образовательный альманах. Вып. 1. Пол политики. 2012. С. 82–87; *Долгов К.* О встрече с Жан-Полем Сартром и Симоной де Бовуар // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 151–160; *Мачульская О.* Бовуар // Философы Франции: словарь. М.; СПб., 2016. С. 66–68; *Merleau-Ponty M.* Sens et non-sens. Paris, 1948; *Blanchot M.* La Part du feu. Paris, 1949; *Jeanson F.* Simone de Beauvoir ou l'Entreprise de vivre. Paris, 1966; *Gagnebin L.* Simone de Beauvoir, ou le Refus de l'indifférence. Paris, 1968; *Armogathe D.* Simone de Beauvoir, le Deuxième Sexe, analyse critique. Paris, 1977; *Francis C., Goutier F.* Simone de Beauvoir. Paris, 1985; *Simone de Beauvoir, de la mémoire aux projets.* Cergy-St.-Christophe, 1990; *Kail M.* Simone de Beauvoir philosophe. Paris, 2006; *Kirkpatrick K.* Devenir Beauvoir. La force de la volonté. Flammarion, 2020.

⁴⁰ *Бовуар С. де.* Второй пол. С. 923.

И.С. Онегин

ОЙГЕН ФИНК

Ойген Финк, феноменолог и создатель оригинального космологического, антропологического и педагогического учения, родился 11 декабря 1905 года в городе Констанц в Бадене, в сотне километров от университетского Фрайбурга, в семье государственного служащего. Проведя первые школьные годы с дядей, католическим священником, он впоследствии обучался в Констанцской гимназии (которую некогда посещал Мартин Хайдеггер)¹. Там он играл второстепенные роли в местном театре (благодаря своей феноменальной памяти он и в старости мог воспроизвести некоторые услышанные на сцене отрывки пьес²), увлекался плаванием на парусных и весельных лодках и альпинизмом³. Солидная философская эрудиция Финка складывается уже здесь: известно, что в школьные годы он читал Джордано Бруно, Юма, Канта, Гегеля, Ницше⁴. Как мы увидим в дальнейшем, последние три фигуры стали затем предметами его особого философского интереса. Там же в Констанце 16-летний Финк вступил в местное кантовское общество, однако последователем доминировавшего в интеллектуальной среде Германии начала XX века неокантианства он в итоге не стал.

Сдав экзамен на аттестат зрелости, Финк поступает на летний семестр в университет Мюнстера. Он изучает как германистику (очевидно, под влиянием юношеской любви к немецкой драме и античной трагедии), так и философию, а именно: историю нововременной философии от Декарта до Канта. После завершения

¹ *Bruzina R.* Edmund Husserl and Eugen Fink: Beginnings and Ends in Phenomenology, 1928–1938. New Haven; L., 2004. P. 2.

² *Fink S.* Die Biographie Eugen Finks // Eugen Fink: Sozialphilosophie – Anthropologie – Kosmologie – Pädagogik – Methodik / Hrsg. von A. Böhmer. Würzburg, 2006. S. 268.

³ *Ibid.*

⁴ *Bruzina R.* Op. cit. P. 3.

там семестра в 1925 году Финк поступает во Фрайбург и практически сразу попадает в ближний круг учеников Эдмунда Гуссерля.

Гуссерль был поражен памятью и философской эрудицией своего нового студента. Ян Паточка, чешский феноменолог и один из учеников Гуссерля фрайбургского периода, вспоминал рассказ Гуссерля о том, как он, впервые встретив на одной из своих лекций ничего не конспектирующего студента, мысленно предсказал ему провал на грядущем экзамене — и ошибся, потрясенный тем, как этот студент (Ойген Финк) практически дословно воспроизвел содержание гуссерлевских лекций на этом экзамене⁵. Финку было суждено стать одним из вернейших учеников Гуссерля, окружавших его до самой смерти, и в то же время — одним из самых жестких его критиков.

Такая двойственность по отношению к учителю объяснима общей интеллектуальной атмосферой, сложившейся вокруг Гуссерля в среде его лучших учеников. Более всего среди их качеств Гуссерль выделял не способность к самостоятельному творчеству, а преданность его собственным идеям и глубину ознакомления с ними. Например, в качестве основания для участия Эдит Штайн, его ученицы и в будущем — философа и монахини-кармелитки, которой было суждено погибнуть в Освенциме, в «продвинутом» аспирантском семинаре еще во время преподавания в Гёттингене (1901–1916) Гуссерль выделил тот факт, что она сумела прочесть весь второй том его «Логических исследований» (Hua XIX⁶)⁷. Как вспоминала впоследствии Штайн, одной из причин напряженных отношений между Гуссерлем и Максом Шелером служили претензии последнего на самостоятельность в освоении философского метода, в которой ему отказывал Гуссерль⁸. Если верить Эмманюэлю Левинасу, познакомившемуся с Гуссерлем тремя годами позже, чем Финк, во фрайбургский период жизни и творчества (1916–1938) любой диалог Гуссерля с учениками превращался в его монолог⁹.

⁵ *Patočka J.* Erinnerungen an Husserl // Die Welt des Menschen – Die Welt der Philosophie. Festschrift für Jan Patočka. Phaenomenologica. Bd. 72. Hrsg. von W. Biemel. Den Haag, 1976. S. XI.

⁶ *Husserl E.* Logische Untersuchungen. Zweiter Band. II. Teil. Elemente einer phänomenologischen Aufklärung der Erkenntnis // Husserliana: Edmund Husserl – Gesammelte Werke. Bd. XIX(2) / Hrsg. von U. Panzer, S. Ijselling. Dordrecht, 1984.

⁷ *Ямольская А.* Эмманюэль Левинас. Философия и биография. Киев, 2011. С. 34.

⁸ *Stein E.* Aus dem Leben einer jüdischen Familie und weitere autobiographische Beiträge // Edith Stein Gesamtausgabe. 27 Bde. Bd. 1 / Bearb. von M.A. Neyer, H.-B. Gerl-Falkovitz, K. Maas. Freiburg, 2002. P. 158.

⁹ *Levinas E.* Éthique et infini. Dialogues avec Philippe Nemo. Paris, 1982. P. 23.

Такой была атмосфера, в которую оказался погружен Финк. Однако требовательность Гуссерля к освоению его идей не сделала Финка вторичным по отношению к учителю, но, напротив, определила проблематику, которую он развивал больше и дальше основателя феноменологического движения. К примеру, в лекциях зимнего семестра 1925 года Финк особенно выделил для себя роль философского языка, на которую указывал Гуссерль¹⁰, и уже в 1930-е годы проблема философского языка станет одной из ключевых для него.

Помимо гуссерлевского курса, Финк в 1925/26 учебном году посещал также курс по «Критике чистого разума» Юлиуса Эббингауза, видного немецкого кантоведа и гегелеведа, ученика Гуссерля; лекции по философии математики Оскара Беккера — также гуссерлевского ученика; курсы по немецкой литературе, политэкономии, журналистике. Его интеллектуальные интересы были разносторонни и определили разносторонность его собственного философского проекта, однако в том, что касается проблематики, он оставался внутри круга гуссерлевских идей и тем. Возможно, с целью обрести некоторую независимость от этого круга Финк провел летний семестр 1926 года в Берлине, изучая в Берлинском университете, как и во Фрайбурге, философию, литературу и драму, журналистику (на английском языке). Однако берлинским философским климатом Финк, очевидно, был недоволен: сказалось как господство логического позитивизма в 1920-е годы, когда параллельно Венскому начал формироваться Берлинский кружок с Г. Рейхенбахом, К.Г. Гемпелем, К. Греллингом и другими известными в будущем логиками и аналитическими философами, так и отсутствие на собственно философском факультете Берлинского университета сравнимых с Гуссерлем по своему интеллектуальному потенциалу профессоров.

Возвратившись во Фрайбург в 1926 году, Финк слушает гуссерлевские лекции, посвященные эгологическим проблемам психофизического единства, самовосприятия, интересубъективности и феноменологической редукции (Hua XI¹¹, XIV¹², XXXIV¹³).

¹⁰ *Bruzina R.* Op. cit. P. 5–6.

¹¹ *Husserl E.* Analysen zur passiven Synthesis // Husserliana: Edmund Husserl – Gesammelte Werke. Bd. XI / Hrsg. von M. Fleischer, H.L. van Breda. Den Haag, 1968.

¹² *Husserl E.* Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Zweiter Teil // Husserliana: Edmund Husserl – Gesammelte Werke. Bd. XIV / Hrsg. von I. Kern, H.L. van Breda. Den Haag, 1973.

¹³ *Husserl E.* Zur phänomenologischen Reduktion. Texte aus dem Nachlass (1926–1935) // Husserliana: Edmund Husserl – Gesammelte Werke. Bd. XXXIV / Hrsg. von S. Luft, R. Bernet, U. Melle. Dordrecht, 2002.

В 1927 году он, как и учитель, читает только что изданное «Бытие и время», рассматривая Хайдеггера, впрочем, скорее как последователя Гуссерля, чем как самостоятельную философскую величину¹⁴. В 1929 году Хайдеггер (как корреферент) и Гуссерль (как референт) присутствовали на защите Финком докторской диссертации «Репрезентация и изображение: к феноменологии нереальности» (*Vergegenwärtigung und Bild: Beiträge zur Phänomenologie der Unwirklichkeit*)¹⁵, а в автобиографической записке к этой диссертации Финк прямо указывает на лекции и семинары Хайдеггера как на один из источников вдохновения. Финковскую диссертацию стоит рассмотреть подробнее.

Этот текст, первая крупная собственная работа Финка, вырос из эссе¹⁶, которое он приготовил для участия в объявленном философским факультетом Фрайбурга в 1927 году конкурсе сочинений, посвященных исследованию воображения феноменологическим (т.е. гуссерлевским) методом. В то время Финк еще не имел доступа к рукописям Гуссерля, написанным скорописью Габельсбергера, и мог составить представление о гуссерлевском методе лишь по опубликованному к тому времени «Логическим исследованиям» и первому тому «Идей к чистой феноменологии» (*Ideen III*)¹⁷. В своем эссе Финк попытался дать систематический анализ двум ключевым модусам сознания в гуссерлевской феноменологии: во-первых, репрезентации (*Vergegenwärtigung*), то есть интенциональным актам, не предполагающим никакого объективного коррелята (как в случае фантазии) либо, напротив, «объективно» репрезентирующим свой объект в сознании (когда мы видим картину и в изображенном на ней представляем себе реальный отображенный на картине объект), во-вторых – нейтральности (*Neutralität*), связанной с такими актами «нейтрализации» суждения, которые оставляют доксатическое содержание предложений, но исключают принятие решения о существовании или несуществовании соответствующих объектов¹⁸. Это

¹⁴ *Bruzina R.* Op. cit. P. 10.

¹⁵ *Fink E.* *Vergegenwärtigung und Bild. Beiträge zur Phänomenologie der Unwirklichkeit* (1930) // *Studien zur Phänomenologie 1930–1939* / Hrsg. von H.L. van Breda, J. Taminiaux, R. Boehm. Den Haag, 1966. S. 1–78.

¹⁶ *Fink E.* Beilage I: Die Preisschrift Eugen Finks, 1928 // *Phänomenologische Werkstatt. Finks Mitarbeit bei Edmund Husserl. Die Doktorarbeit und erste Assistenzjahre bei Husserl.* Bd. 3(1) / Hrsg. von R. Bruzina. Freiburg, München, 2006. S. 107–150.

¹⁷ *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию / пер. с нем. А. Михайлова. М., 2009.

¹⁸ *Fink E.* *Vergegenwärtigung und Bild. Beiträge zur Phänomenologie der Unwirklichkeit.* S. 21.

эссе не было закончено Финком полностью: он успел написать лишь треть¹⁹ задуманного, и в этой трети осветил именно проблемы репрезентации, которые станут темой его докторской диссертации. Впрочем, это не помешало Финку в 1928 году получить за свое сочинение приз, который он разделил с одним из других учеников Гуссерля.

Несмотря на то что этот текст полностью следовал методу и терминологии Гуссерля, нельзя назвать его вторичным по отношению к собственно гуссерлевским работам, даже при том, что на выбор темы очевидно повлияло содержание лекционного курса 1926/27 года²⁰, который посещал Финк. Действительно, единственным местом в эссе, где он прямо обращается к гуссерлевскому тексту, является отсылка²¹ к определениям соответствующих терминов из пятого «Логического исследования». К тому же некоторые из проблем, особо выделенных Финком (например, вопрос о генетическом аспекте репрезентации, то есть об осуществлении репрезентации в потоке сознания, в трансцендентальном времени, о «прошлом» и «будущем» репрезентации, со всеми сопутствующими мотивациями), Гуссерль не рассматривал специально в опубликованных сочинениях или в тех курсах лекций, которые мог посещать Финк (разве что в виде зачатков в рукописях 1890-х годов²²). Впрочем, среди многочисленных учеников Гуссерля Финк выделялся и тем, как работал со своим учителем. Для него не было характерно типичное студенческое благоговение перед великим именем: напротив, дискуссии с Гуссерлем он вел с «надлежащей философской смелостью», радикальностью и в то же время самоотречением²³.

Докторский тезис Финка не только развивал разнообразные проблемы феноменологического анализа репрезентации, но и включал постановку действительно радикальных проблем, которые в дальнейшем определяют как новизну его основных исследований, написанных еще в сотрудничестве с Гуссерлем, так и собственно философские, а не личные и институциональные, причины конечного отхода от дела продолжения гуссерлевской традиции. Например, это проблема того, что в будущем, в «VI Картезианской

¹⁹ *Bruzina R.* Op. cit. P. 8.

²⁰ *Husserl E.* *Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Zweiter Teil* // *Husserliana: Edmund Husserl – Gesammelte Werke.* Bd. XIV / Hrsg. von I. Kern, H.L. van Breda. Den Haag, 1973.

²¹ *Fink S.* *Die Biographie Eugen Finks.* S. [11].

²² *Husserl E.* *Zur Phänomenologie des inneren Zeitbewusstseins (1893–1917)* // *Husserliana: Edmund Husserl – Gesammelte Werke.* Bd. X / Hrsg. von R. Boehm, H.L. van Breda. Den Haag, 1966. S. 48.

²³ *Bruzina R.* Op. cit. P. 7.

медитации», Финк назовет *обмирщением* (*Verweltlichung*)²⁴. Для гуссерлевской феноменологии важно не просто то, что в результате феноменологической редукции вещи становятся так, как они есть для сознания в чистом виде, без всяких импликаций, характерных для разного рода обыденных способов понимания объектов нашего опыта, даже без утверждения об их существовании во внешнем мире и без утверждения о внешнем существовании самого этого мира, — в результате редукции сама субъективность феноменолога преобразуется. Субъект, редуцирующий свой опыт, вместе со снятием всех «мирских» аспектов этого опыта снимает и собственную «мирскость». Редуцированное многообразие опыта приобретает характер трансцендентального, а значит, осуществляющий редукцию должен подвергнуть «снятию» собственное существование в мире. Вместе со всеми частями опыта он и свое присутствие в мире должен выключить из него, рассматривать в чистом виде как феномен первичной непосредственной данности.

Проблема, которой уже в докторской диссертации касается Финк, заключается в неотъемлемой принадлежности феноменологического исследования к тому, что в ходе самой феноменологической редукции должно быть устранено. Осуществление феноменологической редукции невозможно без того, чтобы феноменолог полагал как реально сущее все то, что должно быть редуцировано, но что необходимо учитывать в феноменологии как активности. Скажем, невозможно печатать феноменологическое исследование на печатной машинке, не принимая для себя ее реальность в самом наивном смысле; невозможно заставить себя идти на компромиссы с нужным, но крайне требовательным издателем, не подвергаясь реальному воздействию мотиваций, которые в феноменологическом исследовании предстают лишь в редуцированном виде, просто как содержание сознания, а не нечто реально побудительное. Это проявляется даже в языке, который использует феноменология. «Отпадение трансцендентального выражения в миро-онтическую понятийность — постоянный соблазн феноменологии, — пишет в своей диссертации молодой Финк, — тем более опасный, поскольку даже все доступные понятия по своему происхождению имеют мирской смысл»²⁵. Финк, таким образом, намечает и сферу, в которой надо искать разрешение проблемы обмирщения: это сфера языка.

²⁴ *Fink E.* VI. Cartesianische Meditation. Teil I. Die Idee einer transzendentalen Methodenlehre // *Husserliana-Dokumente*. Bd. II / Hrsg. von G. van Kerckhoven, S. Ijsseling. Dordrecht, 1988. S. 23.

²⁵ *Fink E.* Vergegenwärtigung und Bild. Beiträge zur Phänomenologie der Unwirklichkeit. S. 13.

Стоит добавить, что в подходе Финка к «мирской понятийности» как к понятийности «онтической», а следовательно, к обмирщению феноменологии как ее *онтификации* легко увидеть хайдеггеровские нотки. (Однако, как мы увидим впоследствии, сущему Финк противопоставит вовсе не бытие, онтическому — не онтологическое, и в целом будет едва скрывать критическое отношение к хайдеггеровскому проекту как к «экзистенциально-антропологической характеристике» феноменологии²⁶, хотя и десятилетиями будет продолжать сотрудничество с Хайдеггером.) И в самой постановке вопроса об обмирщении как онтификации у Финка — важное расхождение с гуссерлевским пониманием феноменологической редукции. Гуссерль не воспринимал и не мог воспринимать различие естественной и трансцендентальной установки в терминах своеобразного «онтологического различия», как различие между сущим и тем, что им не является. Ещё в «Идеях I» Гуссерль обозначал результат феноменологической редукции лишь как обретение нового «бытийного региона»²⁷, или «региона сущего» (*Seinsregion*)²⁸ (хайдеггеровского онтологического различия Гуссерль не проводил и понятия *Sein* и *Seiendes* в его работах означают, как правило, одно и то же). В более поздних рукописях Гуссерль говорил о раскрывающемся в редукции содержании трансцендентальной субъективности как о тотальности сущего (*seiende Totalität*). Новизна этого региона или этой тотальности не выражалась у Гуссерля как-либо онтологически. Методический поворот, преобразующий обыденный опыт в трансцендентальный, мыслился Гуссерлем, как впоследствии и Финком, как экзистенциальный скачок²⁹, но необходимость определения этого скачка в онтологических терминах была выражена именно Финком.

Эти расхождения, сказавшиеся впоследствии, в конце 1920-х не имели критического влияния на личные и рабочие отношения Финка и Гуссерля, которые, впрочем, не подразумевали самостоятельности Финка вне гуссерлевского творчества. Еще до защиты диссертации, но уже после ухода Гуссерля из Фрайбургского университета летом 1928 года Финк стал ассистентом своего учителя и на этой должности должен был подготовить к публикации гуссер-

²⁶ *Fink E.* VI. Cartesianische Meditation. Teil I. Die Idee einer transzendentalen Methodenlehre. S. 142–143.

²⁷ *Гуссерль Э.* Указ. соч. С. 102.

²⁸ *Husserl E.* Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologische Philosophie // *Husserliana*: Edmund Husserl — Gesammelte Werke. Bd. III/1 / Hrsg. von K. Schuhmann, S. Ijsseling. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1976. S. 68.

²⁹ *Husserl E.* Zur phänomenologischen Reduktion. Texte aus dem Nachlass (1926–1935). S. 153.

левские бернауские рукописи о сознании времени 1917–1918 годов. Но в 1929 году Финк завершал работу над диссертацией, и тогда же ему пришлось готовить к изданию немецкий текст «Картезианских медитаций» Гуссерля — его *magnum opus* об intersубъективности и основаниях феноменологии, который Гуссерль хотел противопоставить «Бытию и времени»³⁰. Эта работа стала ключевой как для развития собственных идей Финка, так и для определения его философского расхождения с Гуссерлем.

Вскоре после публикации в 1929 году французского текста «Картезианских медитаций» Гуссерль пришел к выводу о необходимости радикальной переработки этого текста, в результате которой он хотел создать систематическое изложение феноменологического метода и важнейших феноменологических тем, от intersубъективности до Бога. Изначальный план, согласно которому на свет должна была появиться «Система трансцендентального метода» (план и первые главы которой писал именно Финк), в 1931 году пришлось скорректировать: Финку требовалось расширить и доработать гуссерлевский текст «Картезианских медитаций» и дописать к нему собственный раздел — «Шестую картезианскую медитацию», которая по содержанию в общем виде соответствовала первой части несостоявшейся «Системы». (Вообще, любовь к созданию проектов крупных систем, к реализации которых он в итоге так и не приступал, стала отличительной чертой Финка³¹.)

Основные вопросы, которые Финк ставил в этой работе, были напрямую связаны с намеченной в его диссертации проблемой обмирщения. Их содержание коррелировало с развитием гуссерлевской мысли 1930–1932 годов, но радикальность выделяла Финка из ряда всех гуссерлевских учеников. Так, он ставит вопрос о субъекте феноменологии или, шире, вообще философствования: действительно ли философия есть ничто более, как «человеческое дело» (*Menschenwerk*)³²? Такой вопрос, казалось бы, не имеет права на существование в собственно гуссерлевской (и тем более в хайдеггеровской) мысли. Конечно, философия есть дело человека, — ответил бы Гуссерль — и не осознал бы, какие выводы может повлечь обозначенный им же характер философствования как экзистенциального рывка. Финк же открыл, что сам утвердительный ответ на поставленный им вопрос парадоксален. Ведь он сопряжен с необ-

³⁰ Bruzina R. Op. cit. P. 23.

³¹ См.: Шестова Е. Спекулятивное рассуждение в меонтической феноменологии О. Финка // HORIZON. 2018. Т. 7. Вып. 2. С. 391–413.

³² Fink E. VI. Cartesianische Meditation. Teil II. Ergänzungsband // Husserliana-Dokumente. Bd. III / Hrsg. von G. van Kerckhoven, S. Ijsseling. Dordrecht, 1988. S. 19.

ходимостью дать неизбежно философский ответ на вопрос: что такое человек? И этот шаг заставляет трансцендентального субъекта увидеть в себе исток (*Ursprung*) человечности и в то же время — то, что сознающий себя человек не является истоком философии³³. Ведь сама попытка осмыслить исток философии ставит его за пределы человеческого.

Из этого пункта и разворачивается проект финковского *трансцендентального учения о методе*. Всю гуссерлевскую феноменологию, развивавшуюся до «Картезианских медитаций» (а к моменту написания «VI Медитации» Финк уже давно получил доступ к гуссерлевским рукописям как его ассистент и ученик), Финк называет *регрессивной феноменологией*. Во всех гуссерлевских наработках по сознанию времени, воображению, репрезентации и прочим модусам сознания производился лишь переход от фиксации данностей сознания к установлению их генезиса в трансцендентальной субъективности. Там совершался эгологический регрессивный ход: от феномена к субъективности. Этот этап необходим феноменологу, однако его недостаточно ни для того, чтобы показать становление мира из трансцендентальной жизни, т.е. чтобы продемонстрировать, как именно сама конституирующая трансцендентальная субъективность дает жизнь всему многообразию заключенных в горизонте мира данностей (в том числе, например, как она делает трансцендентально возможными никак не данные нам в опыте наши собственные рождение и смерть³⁴), — это дело *конструктивной феноменологии*, не *трансцендентальной аналитики*, но (в особом смысле слова) *трансцендентальной диалектики*, имеющей спекулятивный характер, — ни для того, чтобы *трансцендентальный наблюдатель* (*transzendentaler Zuschauer*), собственно субъект феноменологии, трансцендентальная жизнь в аспекте феноменологизирующей субъективности, мог исследовать самого себя. Самопознание трансцендентального наблюдателя и есть тема трансцендентального учения о методе. И в разработке этого учения встают все проблемы, которые мы указывали как ключевые для Финка: и проблема обмирщения, и проблема онтификации, и проблема языка.

В «VI Медитации» Финк приводит уже разработанную теорию обмирщения. Во-первых, Финк различает первичное (*primäre*)³⁵,

³³ Fink E. VI. Cartesianische Meditation. Teil II. S. 19.

³⁴ Fink E. Die Notizen zur Umarbeitung von Edmund Husserls "Cartesianischen Meditationen" / Hrsg. von R. Bruzina // Husserl Studies. 1989. Vol. 3. P. 97–128.

³⁵ Fink E. VI. Cartesianische Meditation. Teil I. Die Idee einer transzendentalen Methodenlehre // Husserliana-Dokumente. Bd. II / Hrsg. von H. Ebeling, J. Holl, G. van Kerckhoven, S. Ijsseling. Dordrecht, 1988.

или подлинное (*eigentliche*), обмирщение и вторичное (*sekundäre*) обмирщение. Продукт первичного обмирщения — это пребывание субъекта в мире как человека из крови и плоти. По Финку, трансцендентальное объяснение нашего бытия в мире должно показать, как конституирующее Я, из которого проистекает возможность всех данностей, в то же время является истоком «мирского измерения» человека. И здесь уже проявилось явное теоретическое расхождение с Гуссерлем. В самом деле, вполне корректно говорить, что для Гуссерля трансцендентальное и «мирское» Я суть одно³⁶. Феноменологическое объяснение конституирования мира должно показывать, как образуются смыслы, составляющие мир, в структурах Я и его intersубъективных отношений, однако отделение Я, уже обретающегося в мире и непосредственно «фундирующего» образующие мир структуры смыслов, от некоего «трансцендентного» источника неоправданно. В этой неоправданности, в невозможности выделить какие-либо специфические акты, производящие мирское человеческое Я из отличного от него аспекта трансцендентальной жизни, Гуссерль и упрекает Финка на полях «VI Картезианской медитации»³⁷.

Такое расхождение — следствие произошедшей уже в ходе работы над диссертацией радикализации Финком гуссерлевского феноменологического пафоса. А затронутая им тогда же проблема обмирщения в «VI Медитации» конкретизируется в виде вторичного обмирщения. Вспомним, что феноменологическая редукция для Финка — не просто экзистенциальный скачок феноменолога, как для Гуссерля: это де-факто онтологическое преобразование субъекта. Трансцендентальный наблюдатель — агент феноменологического исследования — принципиально непричастен (*unbeteiligt*) миру. Несомненно, феноменологическое исследование у Финка все равно коренится в мире, который предоставляет для него «ключи»³⁸, дающие доступ к трансцендентальному, но это есть некий диалектический момент в становлении самого трансцендентального наблюдателя (надо учесть, впрочем, что этот момент не относится к мотивациям, обуславливающим феноменологический экзистенциальный скачок: для Финка никакие мирские мотивации не мо-

гут смыкаться с феноменологической, радикально-«антимирской» мотивацией³⁹, так что феноменологическая редукция оказывается *acte gratuit*, открывающей сферу собственно феноменологических мотиваций⁴⁰). Парадоксальная ситуация складывается всякий раз, когда субъект одновременно сознает себя осуществляющим феноменологическое исследование и занятым мирскими активностями, которые, как кажется, тесно связаны. Субъективность трансцендентального наблюдателя тогда обращается в *видимость* (*Schein*). Спекулятивное движение, раз за разом преодолевающее эти видимости и освещающее подлинно трансцендентальную сферу, — способ философствования, который предлагает Финк.

Это спекулятивное движение, говоря онтологически, есть постижение *меонтического* Абсолюта⁴¹. «Меонтическое» трансцендентальное здесь — противоположность мирскому «онтическому», но не как *οὐκ ὄν*, простое отрицание сущего, а как *μη ὄν*, отрицание, подразумевающее нечто реальное, но такое, что невозможно описать в порядке онтического. Напомним, что еще в своей диссертации Финк указывал «онтическую понятность» как источник обмирщения философствования. Казалось бы, выход из сущего как несобственного для философии — шаг, который Финк, имея перед собой пример хайдеггеровской фундаментальной онтологии, мог бы, подобно ему, определить как выход к бытию как к запредельному сущему и одновременно тому, в чем сущее коренится. Однако само действие финковского спекулятивного движения отличается по характеру от хайдеггеровского. Ведь меонтические истины, в отличие от онтологических, не раскрываются, а *конструируются*. Трансцендентальные объекты, по Финку, не предшествуют созерцанию сущности (*Wesensschau*), но конституируются самим актом созерцания⁴². Хайдеггеровское онтологическое различие есть различие между тем, что есть, и этим «есть» как таковым. Финковское «меонтологическое» различие — между тем, что есть (или дано), и тем, что конструируется в спекулятивном порядке. Предмет такого спекулятивного движения — сам трансцендентальный наблюдатель — не может быть приведен к данности: у него нет ничего «данного» вне теоретического движения, которое он сам разворачивает. Как абсолют спекулятивного исследования, он сам постоянно

³⁶ Молчанов В. И. Понятие трансцендентальной субъективности в феноменологии Э. Гуссерля // Проблемы сознания в современной буржуазной философии / под ред. А. Дегутиса, Б. Кузмицкаса, А. Свердиоласа. Вильнюс, 1983. С. 78–93.

³⁷ Husserl E. Randbemerkung 380 zur S. 119 // Fink E. VI. Cartesianische Meditation. Teil I. S. 119.

³⁸ Bruzina R. The enworlding (*Verweltlichung*) of transcendental phenomenological reflection: A study of Eugen Fink's "6th Cartesian Meditation" // Husserl Studies. Vol. 3, 1986. P. 3–29;

³⁹ Fink E. VI. Cartesianische Meditation. Teil I. Die Idee einer transzendentalen Methodenlehre. S. 66.

⁴⁰ Carr D. Phenomenology and the Problem of History. A Study of Husserl's Transcendental Philosophy. Evanston, 1974.

⁴¹ Шестова Е. Указ. соч.

⁴² Cairns D. Conversations with Husserl and Fink // Phaenomenologica. Vol. 66. The Hague, 1976. P. 56.

конструируется — и процесс его спекулятивного конструирования бесконечен, чтобы обеспечить удержание от впадения в обмирщение. В духе такого спекулятивного движения выдержаны и поздние работы Финка, посвященные самым разным тематикам с трансцендентально-феноменологической точки зрения.

Этот проект «спекулятивной меонтологии» был немислим для Финка без работы над языком. С одной стороны, речь в случае финковской радикальной спекуляции должна была идти скорее о производстве понятий, чем об их выражении⁴³. С другой стороны, выход из «ловушки обмирщения» был невозможен путем простого конструирования нового философского языка: в таком случае не было бы совсем никакой связи между «первично обмирщенным» субъектом и трансцендентальным наблюдателем, и переход к феноменологизирующей субъективности в принципе не был бы возможен. Поэтому язык, который предлагает Фиск в «VI Медитации», — *аналогический*. Формально в нем используются те же термины, что и в обычном «онтифицированном» философском лексиконе, однако между трансцендентальным и мирским положением дел есть лишь некоторое отношение близости (Affinitätsrelation)⁴⁴, определенное не сущим, но лишь *аналогией сущего* (analogia entis). Однако это не analogia attributionis, относящаяся к свойствам своих денотатов, а analogia propositioalis⁴⁵, относящаяся к самому способу сказывания о предмете. Иными словами, трансцендентальные выражения выражают то же отношение трансцендентального наблюдателя к не-сущему феноменологической спекуляции, какое субъект теоретического опыта имеет относительно сущего⁴⁶. Фактически в духе такого аналогизирующего языка Фиск впоследствии писал свои работы, например, посвященные философской космологии.

Все эти идеи «VI Картезианской медитации» встретили жесткую критику со стороны Гуссерля. Само обмирщение, т.е. возвращение феноменологизирующей субъективности в мирскую среду пребывания, на полях финковской рукописи оспаривалось Гуссерлем как таковое⁴⁷. Для него представлялось вообще избыточно радикаль-

⁴³ Шестова Е. Проблема трансцендентального языка в VI Картезианской медитации // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2015. Т. 5. С. 69–79.

⁴⁴ Fink E. VI. Cartesianische Meditation. Teil I. Die Idee einer transzendentalen Methodenlehre. S. 105.

⁴⁵ Ibid. S. 82.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Husserl E. Randbemerkung 344 zur S. 109 // Fink E. VI. Cartesianische Meditation. Teil I. Die Idee einer transzendentalen Methodenlehre. S. 109.

ным финковское различие феноменологизирующей и конституирующей субъективности, лежавшее в основе проблемы обмирщения. Также Гуссерль находил слишком резко поставленной Финком проблему трансцендентальной предикации⁴⁸, и сам трансцендентальный язык для него — не более чем продукт редукции естественного языка⁴⁹, имеющий в качестве совокупности своих значений редуцированное мирское сущее, а не сферу феноменологизирующей субъективности как отделенной от мироконституирующих процессов. Такие трения не могли не сказаться в итоге на общем отношении Финка к гуссерлевскому наследию. В заметках времени создания «Трактата о феноменологическом исследовании»⁵⁰ (начала 1940 года, уже после смерти учителя) Фиск не только выступает против Гуссерля с едкими инвективами, обвиняя в излишней озабоченности «пафосом работы»⁵¹, но и критикует базовые предпосылки гуссерлевской феноменологии, как то: исключение мышления из сферы переживания⁵², дофилософскую наивность его де-факто «математико-логико-физикалистского» образа мышления⁵³ и пр.

Все это, однако, не помешало Финку остаться лично лояльным учителю в последние и самые тяжелые годы его жизни. Когда после прихода нацистов к власти в 1933 году Гуссерля принудили оставить кафедру во Фрайбурге, Фиск ушел из университета вслед за ним, оставшись его личным ассистентом, но уже без стипендии Общества помощи немецкой науки. Он не мог больше и защитить текст для габилитации — собственно «Систему трансцендентального метода» («VI Картезианскую медитацию»). Однако он пишет тексты, одновременно защищающие гуссерлевскую философию и раскрывающие его так и не обнародованные идеи о философском методе. Так, в 1933 году в журнале Kant-Studien выходит (не имеющая, правда, отношения к Канту) статья «Феноменологическая философия Эдмунда Гуссерля в свете современной критики», в следующем году он пишет текст «Чего хочет феноменология Эдмунда Гуссерля?», разосланный ученикам и корреспондентам Гуссерля. Публикационная активность для человека, продолжающего ассоциировать себя с философом еврейского происхождения, в Германии,

⁴⁸ Entwurf eines Vorwortes // Fink E. VI. Cartesianische Meditation. Teil I. Die Idee einer transzendentalen Methodenlehre. S. 183.

⁴⁹ Husserl E. Randbemerkung 291 zur S. 94 // Fink E. VI. Cartesianische Meditation. Teil I. Die Idee einer transzendentalen Methodenlehre. S. 94.

⁵⁰ Фиск О. Элементы критики Гуссерля / пер. с нем. Г. Чернавина // Логос. 2016. Т. 26. Вып. 1. С. 47–60.

⁵¹ Там же. С. 48.

⁵² Там же. С. 51.

⁵³ Там же. С. 52.

однако, теперь была надолго закрыта. В 1934 году он смог тем не менее вновь получить от Общества помощи немецкой науке (хоть и на ограниченный срок без возможности продления) стипендию, позволявшую выживать, отказываясь от обращения вместе с Гуссерлем к помощи британских и американских институций, предлагавших переезд из Германии. И Гуссерль был признателен ученику, называя его в переписке с ним своим соратником, своим «семинаром» и своим «преподаванием» (*Lehrtätigkeit*)⁵⁴. Вместе с Финком он продолжал работать над подготовкой к изданию Бернауусских рукописей и над темами, объединенными в «Кризисе европейских наук».

В 1938 году Гуссерль скончался. Когда во Фрайбург приехал бельгийский почитатель его творчества — францисканский монах Герман Лео Ван Бреда из университета Лувена — с идеей перевезти огромный рукописный архив Гуссерля, а также его вдову, в Лувен, Финк принял его приглашение и переселился в этот город по дипломатической визе, где работал над гуссерлевскими скорописными манускриптами вместе с Людвигом Ландсгребе, другим учеником и ассистентом Гуссерля. Там в 1940 году, после начала гитлеровского вторжения в Бельгию и Францию, он был интернирован вместе с женой, как все проживавшие в Бельгии немцы, затем перевезен в лагерь для интернированных немцев в Сен-Сиприене в Восточных Пиренеях, откуда по иронии судьбы был освобожден лишь благодаря победе нацистов. Он отказался пройти офицерскую подготовку, положенную для обладателей высшего образования, призываемых в вермахт, и был зачислен рядовым в зенитные части люфтваффе в районе Фрайбурга, где прослужил до конца войны. (Похожей была военная судьба другого фрайбургского ученика Гуссерля Эммануэля Левинаса; тот, однако, в качестве переводчика французской армии был взят в плен еще в 1940 году и до конца войны содержался в шталаге.) Особо показательно, что в годы службы Финк не только сохранил себя в интеллектуальном тонусе, но и завел тесную продолжительную дружбу с совершенно далекими от философии людьми, например, со страховым агентом Георгом Лохом, с помощью которого ему удавалось нарубить дров зимними днями и затопить печь в доме⁵⁵. В 1945 году благодаря его красноречию и знанию французского Финку практически удалось избежать французского плена, а после падения гитлеровского ре-

⁵⁴ *Husserl E.* Husserl an Fink, 21. VII. 1934 // *Husserliana-Dokumente*. Bd III/4. Briefwechsel. Die Freiburger Schüler / Hrsg. von K. Schuhmann, E. Schuhmann, S. Jjsseling. Dordrecht, 1994. S. 93–94.

⁵⁵ *Fink S.* Die Biographie Eugen Finks. S. 271.

жима немедленно возобновить академическую карьеру. Он наконец защитил во Фрайбурге в качестве габилитационной диссертации текст «VI Картезианской медитации». В 1946 году он получил кафедру во Фрайбурге и занимал ее до 1971 года, когда по состоянию здоровья перестал проводить занятия и получил звание почетного профессора.

В послевоенный период основными темами финковского творчества стали космология, антропология и теория педагогики, их историко-философское измерение. Онтологические основания соответствующих теорий Финк разрабатывает в стиле, крайне отличном и от гуссерлевского, и от хайдеггеровского, и продолжающем его собственный метод меонтической спекуляции. Так, он пересматривает различие между явлением (*Erscheinen*) и сущим (*Seiendes*), ставя вопрос о том, чем вообще является видимость сущего⁵⁶, отказываясь от догматического разведения «явления» и «вещи» и ставя спекулятивный вопрос о том, насколько возможно приведение самой вещи к структуре самоявленности, характерной для человека. В лекциях 1955–1956 годов Финк разрабатывает теорию явления как медиума⁵⁷, не сводимого к сущему, но связывающего сущее и человека в качестве постоянного процесса (*Vorgang*), открывающего в своей подвижности для человека движение сущего и в то же время находящегося внутри мира. В том же спекулятивном ключе он разрабатывает проблему конечности разума и возможности для него выйти ко всеобщности, трансцендентной кантовским априорным формам всеобщности⁵⁸, ибо отношение к *всеобщности* и *ничто*, по Финку, фундаментально для человека⁵⁹, фундаментальнее, чем характеризующее человека отношение к любому сущему, — между ними изначально «распят» человек. Диалектика всеобщности и ничто, к которой принципиально имеет доступ человек, и задает структуру мира, к которому человек неотъемлемо принадлежит вместе с вещами. Мир, по Финку, относится к вещи не как целокупность к своим частям и не как некий контейнер вещей, но как пронизывающая и опутывающая вещи *игра*, образуемая восходящей и нисходящей динамикой (*Aufgangs und Untergangs*) всего временного и брэнного⁶⁰. Время и пространство в такой конструкции есть непоколебимый фундамент (*fundamentum inconcussum*)

⁵⁶ *Fink E.* Sein — Wahrheit — Welt. Vor-Fragen zum Problem des Phänomen-Begriffs // *Phaenomenologica*. Bd.1. Den Haag, 1958. S. 89.

⁵⁷ *Fink E.* Sein — Wahrheit — Welt. Vor-Fragen zum Problem des Phänomen-Begriffs. S. 93.

⁵⁸ *Fink E.* Alles und Nichts. Ein Umweg zur Philosophie. Den Haag, 1959. S. 84.

⁵⁹ *Ibid.* S. 214.

⁶⁰ *Ibid.* S. 217.

вещей, которые «покоятся» на нем, подобно тому как картезианское эго есть фундамент разнообразных явлений и видимостей⁶¹. Причем надо отметить, что саму проблематику времени, пространства и движения Финк специально рассматривал уже в лекционном курсе 1951 года, где подчеркивал, что зеноновские апории связаны не с понятием покоя и находят свое завершение не в проблематике абсолютного покоя, но в проблематике чистого сущего⁶².

Понятие игры становится одним из фундаментальных для финковской «формулы мира» (Weltformel). Игра не является особым индексом нереальности (Unwirklichkeit): она уже и для человека является вовсе не имитацией, а первичной формой понимания жизни и осуществления жизни (Lebensvollzug)⁶³. Полностью феноменально постигаемой она является именно как человеческий феномен, в качестве же мировой игры (Weltspiel) она есть спекулятивная формула⁶⁴, призванная обеспечить доступ к всеобщности мира для человека как внутримирового существа. «Нереальность» игры как ее видимая характеристика есть следствие неотносимости игры к сущему, к вещи⁶⁵, в то же время она реальна, как любая человеческая активность. В космологическом смысле игра также не относится ни к какой конкретной вещи, но характеризует всеобщность мирового движения.

Изначально антропологическое, понятие игры также обозначает один из ключевых феноменов человеческой экзистенции, выделенных Финком в лекциях 1955 года⁶⁶: *эрос, смерть, господство, работа и игра*. Эти феномены как основные измерения человеческого Dasein в то же время исчерпывают отношение человека к миру как к игре всеобщего и ничто, между которыми разворачивается человеческое. В этих пяти категориях человек раскрывается не как в позитивных науках, игнорирующих самопознание человека, а как несовершенное существо, осуществляющее свое конечное, но загадочное пребывание в мире.

Что касается собственно историко-философской работы Финка, то он на своих семинарах, посвященных «Критике чистого разума», в 1960–1970-х годах анализирует кантовский текст с по-

⁶¹ Fink E. Alles und Nichts. Ein Umweg zur Philosophie. Den Haag, 1959. S. 235.

⁶² Fink E. Zur Ontologischen Frühgeschichte von Raum – Zeit – Bewegung. Den Haag, 1957. S. 133.

⁶³ Fink E. Spiel als Weltsymbol // Eugen Fink Gesamtausgabe. Bd. 7 / Hrsg. von C. Nielsen, H. R. Sepp. Freiburg; München, 2010. S. 77.

⁶⁴ Fink E. Spiel als Weltsymbol. S. 81.

⁶⁵ Ibid. S. 83.

⁶⁶ Franz T. Mensch und Technik bei Eugen Fink. Eine kritische Interpretation // Phänomenologische Forschungen, 2004. S. 207–218.

мощью собственного терминологического аппарата (материалы этого семинара были опубликованы лишь в 2011 году⁶⁷) и ищет способ разрешить проблему «абсолютного потока сознания» как целокупности переживаний во времени с опорой на кантовское «космологическое различие» между вещами и миром, их заключающим⁶⁸. На своих лекциях Финк предпринимает попытку альтернативного хайдеггеровскому феноменологического прочтения Гегеля⁶⁹ и Ницше⁷⁰, причем последнего анализирует с помощью собственного философско-космологического аппарата, а именно через концепт космической игры. В 1966/67 учебном году Финк во Фрайбурге проводит совместный с Хайдеггером семинарский курс, посвященный феноменологической интерпретации Гераклита, который планировалось (но не удалось) продолжить в течение нескольких семестров.

Не забывал Финк и о гуссерлевском наследии. Так, на Международном коллоквиуме по феноменологии в 1957 году он представил доклад о тематических и оперативных понятиях в философии Эдмунда Гуссерля, где провел различие между специально тематизируемыми концептами гуссерлевской мысли, которые были объектом его осмысления, и такими концептами, которые, будучи использованы Гуссерлем, сами эксплицитно не проблематизируются как таковые (например, «движение» или «поток времени»)⁷¹. К проблеме феноменологической редукции Финк возвращался и под самый конец жизни⁷².

В разрезе своих космологически-антропологических концепций Финк рассматривает и педагогику. В семинарском курсе 1955/56 годов «Дидактические проблемы преподавания и обучения» он видит опасность технической эпохи в подчинении человека движениям мира, в снятии с него статуса посвященного в архитектуру мира, которой он сопричастен и соответствует. Целями педагогики, по

⁶⁷ Fink E. Epilegomena zu I. Kants Kritik der reinen Vernunft: ein phänomenologischer Kommentar (1962–1971) // Eugen Fink Gesamtausgabe. Bd. 13 (1–3) / Hrsg. von G. van Kerckhoven. Freiburg; München, 2011.

⁶⁸ Yusuke I. Eugen Finks Kant-Interpretation // HORIZON. Феноменологические исследования. 2015. № 2. С. 154–185.

⁶⁹ Fink E. Hegel: Phänomenologische Interpretation der “Phänomenologie des Geistes”. Frankfurt am Main, 1977.

⁷⁰ Fink E. Nietzsche’s Philosophy / Trans. by G. Richter. L.; N.Y., 2003.

⁷¹ Финк О. Оперативные понятия в феноменологии Гуссерля / пер. с нем. А. Шиян // Ежегодник по феноменологической философии. М., 2008. С. 361–381.

⁷² Fink E. Reflexionen zu Husserls Phänomenologischer Reduktion (1971) // Nähe und Distanz. Phänomenologische Vorträge und Aufsätze / Hrsg. von F.-A. Schwarz. Freiburg, München, 1976. S. 299–322.

Финку, должно стать возвращение человека в состояние соответствия космосу как всеобъемлющему процессу, игре возвышения и падения сущего. Он категориально раскладывает задачи педагогики через свои основные антропологические понятия эроса и смерти с соответствующей, по общему смыслу близкой к гегелевской, теорией семьи и пола. Надо отметить, что финковская педагогическая теория не была продуктом чистой теории: в 1950–1960-х годах Финк был активистом немецкого Союза работников науки и образования, а в 1959–1964 годах возглавлял образовательную реформу в земельном округе Обераудорф в Баварии. В свои педагогические практики Финк обязательно включал такие элементы, как регулярные экскурсии со студентами по баденским окрестностям⁷³. Вообще в качестве профессора он во многом составлял противоположность Гуссерлю: требовал не верности букве своего учения, а как можно большей широты и самостоятельности мышления студентов, хоть его лекции были столь насыщенными, а семинары столь открытыми и обращенными к дискуссионности, что далеко не всем ученикам он казался удобным преподавателем.

Скончался Ойген Финк 25 июля 1974 года во Фрайбурге, где провел большую часть своей жизни и свои последние годы.

Сочинения

Финк О. Оперативные понятия в феноменологии Гуссерля / пер. с нем. А. Шиян // Ежегодник по феноменологической философии. М., 2008. С. 361–381; Финк О. Элементы критики Гуссерля / пер. с нем. Г. Чернавина // Логос. 2016. Т. 26. Вып. 1. С. 47–60; Fink E. Alles und Nichts. Ein Umweg zur Philosophie. Den Haag, 1959; Fink E. Beilage I: Die Preisschrift Eugen Finks, 1928 // Phänomenologische Werkstatt. Finks Mitarbeit bei Edmund Husserl. Die Doktorarbeit und erste Assistenzjahre bei Husserl. Bd. 3(1) / Hrsg. von R. Bruzina. Freiburg, München, 2006. S. 107–150; Fink E. Die Notizen zur Umarbeitung von Edmund Husserls "Cartesianischen Meditationen" / Hrsg. von R. Bruzina // Husserl Studies. 1989. Vol. 3. P. 97–128; Fink E. Reflexionen zu Husserls Phänomenologischer Reduktion (1971) // Nähe und Distanz. Phänomenologische Vorträge und Aufsätze / Hrsg. von F.-A. Schwarz. Freiburg, München, 1976. S. 299–322; Fink E. Sein – Wahrheit – Welt. Vor-Fragen zum Problem des Phänomen-Begriffs // Phaenomenologica. Bd. 1. Den Haag, 1958; Fink E. Studien zur Phänomenologie 1930–1939 // Phaenomenologica. Bd. 21 / Hrsg. von H.L. van Breda, J. Taminioux, R. Boehm. Den Haag,

1966; Fink E. Vergegenwärtigung und Bild. Beiträge zur Phänomenologie der Unwirklichkeit (1930) // Studien zur Phänomenologie 1930–1939 / Hrsg. von H.L. van Breda, J. Taminioux, R. Boehm. Den Haag, 1966. S. 1–78; Fink E. VI. Cartesianische Meditation. Teil I. Die Idee einer transzendentalen Methodenlehre // Husserliana-Dokumente. Bd. II / Hrsg. von H. Ebeling, J. Holl, G. van Kerckhoven, S. Ijsseling. Dordrecht, 1988; Fink E. VI. Cartesianische Meditation. Teil II. Ergänzungsband // Husserliana-Dokumente. Bd. III / Hrsg. von G. van Kerckhoven, S. Ijsseling. Dordrecht, 1988; Fink E. Zur Ontologischen Frühgeschichte von Raum – Zeit – Bewegung. Den Haag, 1957.

Литература

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию / пер. с нем. А. Михайлова. М., 2009; Шестова Е. Проблема трансцендентального языка в VI Картезианской медитации // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2015. Т. 5. С. 69–79; Шестова Е. Спекулятивное рассуждение в меонтической феноменологии О. Финка // HORIZON. Феноменологические исследования. 2018. Т. 7. Вып. 2. С. 391–413; Bruzina R. Edmund Husserl and Eugen Fink: Beginnings and Ends in Phenomenology, 1928–1938. New Haven; L., 2004; Cairns D. Conversations with Husserl and Fink // Phaenomenologica. Vol. 66. The Hague, 1976; Carr D. Phenomenology and the Problem of History. A Study of Husserl's Transcendental Philosophy. Evanston, 1974; Fink S. Die Biographie Eugen Finks // Eugen Fink: Sozialphilosophie – Anthropologie – Kosmologie – Pädagogik – Methodik / Hrsg. von A. Böhmer. Würzburg, 2006; Franz T. Mensch und Technik bei Eugen Fink. Eine kritische Interpretation // Phänomenologische Forschungen, 2004. S. 207–218; Husserl E. Briefwechsel. Die Freiburger Schüler // Husserliana-Dokumente. Bd III/4 / Hrsg. von K. Schuhmann, E. Schuhmann, S. Ijsseling. Dordrecht, 1994; Levinas E. Éthique et infini. Dialogues avec Philippe Nemo. Paris, 1982; Patočka J. Erinnerungen an Husserl // Die Welt des Menschen – Die Welt der Philosophie. Festschrift für Jan Patočka. Phaenomenologica. Bd. 72 / Hrsg. von W. Biemel. Den Haag, 1976; Stein E. Aus dem Leben einer jüdischen Familie und weitere autobiographische Beiträge // Edith Stein Gesamtausgabe. 27 Bde. Bd. 1 / Bearb. von M.A. Neyer, H.-B. Gerl-Falkovitz, K. Maas. Freiburg, 2002; Yusuke I. Eugen Finks Kant-Interpretation // HORIZON. Феноменологические исследования. 2015. № 2. С. 154–185.

⁷³ Fink S. Die Biographie Eugen Finks. S. 275–276.

Западная философия XX–XXI вв. Интеллектуальные биографии

Серийное оформление: П.П. Ефремов
Макет и дизайн обложки Л.В. Лобанова
Редактор, корректор: М.П. Крыжановская
Редактор библиографии Е.Н. Балашова

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра Соснов П.В.

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».

«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым организациям, библиотекам и простым читателям широкий ассортимент книг по всему спектру гуманитарных наук – философии, филологии, лингвистики, истории, социологии и политологии. Продукцию ведущих гуманитарных научных издательств Санкт-Петербурга и России вы можете приобрести у нас по издательским ценам.

Контакты: в Санкт-Петербурге
Тел. (812) 640-08-71, e-mail: ukniga4@mail.ru

Рассылка по России:
Интернет-магазин [Ozon.ru](https://www.ozon.ru) – <https://www.ozon.ru>

Подписано к печати 18.11.2022. Формат 60x90 1/16.
Заказ № 1145. Усл. печ. л. 18,25.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в Акционерном обществе «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.
Тел.: 8 (495) 221-89-80